

ОБРАЗ РЕБЁНКА КАК ЖЕРТВЫ МАНИПУЛЯЦИИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ В РУССКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ XIX ВЕКА

Мунисахон Отабой кизи Тошбоева,
University of Business and Science,
Стажер-преподаватель кафедры
языкового и литературного образования
munisatoshboyeva4@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется художественная репрезентация образа ребёнка как объекта манипуляции и эксплуатации в русской реалистической прозе XIX века на материале трёх ключевых произведений: романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», рассказа А.П. Чехова «Ванька» и повести Л.Н. Толстого «Детство». На основе герменевтического и сравнительно-типологического методов анализа выявляются механизмы психологической манипуляции и социальной эксплуатации, которым подвергаются детские персонажи. Результаты исследования показывают, что русские классики формируют устойчивую художественную модель детского страдания, функционирующую как нравственно-философский аргумент в полемике с социальными институтами эпохи. Делается вывод о том, что образ ребёнка-жертвы в рассматриваемых текстах выполняет не только социально-критическую, но и онтологическую функцию, ставя вопрос о природе вины, ответственности и возможности справедливости.

Ключевые слова: образ ребёнка, манипуляция, эксплуатация, русский реализм, Достоевский, Чехов, Толстой, детское страдание, XIX век.

Abstract. The article examines the artistic representation of the child as a victim of manipulation and exploitation in nineteenth-century Russian realistic prose, drawing on three canonical texts: F.M. Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*, A.P. Chekhov's *Vanka*, and L.N. Tolstoy's *Childhood*. Applying hermeneutic and comparative-typological methods, the study identifies the mechanisms of psychological manipulation and social exploitation to which child characters are subjected. The findings demonstrate that the Russian classics constructed a stable artistic model of childhood suffering that functions as a moral and philosophical argument against the social institutions of the era. The article concludes that the image of the child-victim in these texts serves not only a socially critical but also an ontological function, raising fundamental questions of guilt, responsibility, and the possibility of justice.

Keywords: child image, manipulation, exploitation, Russian realism, Dostoevsky, Chekhov, Tolstoy, childhood suffering, 19th century.

Annotatsiya. Maqolada XIX asr rus realistik nasrida bolaning manipulyatsiya va ekspluatatsiya obyektini sifatidagi badiiy reprezentatsiyasi uch muhim asar materialini asosida tadqiq etiladi: F.M. Dostoyevskiyning "Bratya Karamazovlar" romani, A.P. Chexovning "Vanka" hikoyasi va L.N. Tolstoyning "Bolalik" qissasi. Germenevtik hamda qiyosiy-tipologik tahlil metodlari asosida bolalar personajlari duchor bo'ladigan psixologik manipulyatsiya va ijtimoiy ekspluatatsiya mexanizmlari aniqlanadi. Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, rus mumtoz adiblari bolalar iztirobining barqaror badiiy modelini shakllantiradi, bu esa davrning ijtimoiy institutlari bilan polemikada axloqiy-falsafiy dalil sifatida faoliyat ko'rsatadi. Xulosa qilinadiki, ko'rib chiqilgan matnlarda jabrlanuvchi bola obrazi nafaqat ijtimoiy-tanqidiy, balki ontologik funksiyani ham bajaradi, ayb, mas'uliyat va adolat imkoniyati tabiatiga oid masalani o'rta qo'yadi.

Kalit so'zlar: bola obrazi, manipulyatsiya, ekspluatatsiya, rus realizmi, Fyodor Dostoevsky, Anton Chekhov, Leo Tolstoy, bolalar iztirobi, XIX asr.

Введение. Проблема детства в русской литературе XIX века давно привлекает внимание исследователей, однако аспект целенаправленной манипуляции и системной эксплуатации ребёнка как художественная и философская категория

остаётся недостаточно изученным в современном литературоведении. Между тем именно через фигуру страдающего ребёнка русский реализм формулировал наиболее острые этические вопросы эпохи, связанные с социальным неравенством, институциональным насилием и природой нравственной ответственности.

Термин «манипуляция» в контексте данного исследования понимается вслед за Е.Л. Доценко как скрытое психологическое воздействие на личность, направленное на изменение её убеждений, эмоций или поведения в интересах манипулятора и вопреки интересам объекта воздействия [1,с.59]. «Эксплуатация» трактуется в духе социологической традиции Э. Гидденса как систематическое использование ресурсов другого лица — включая труд, эмоции, привязанности — без соответствующего воздаяния и с применением власти или зависимости [2,с.217]. Применение данных категорий к литературному тексту позволяет выявить не декларируемые, а художественно закодированные механизмы угнетения детской личности. Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, усиливающимся интересом современного гуманитарного знания к «детским исследованиям» как самостоятельной дисциплине. Во-вторых, необходимостью осмысления классической литературной традиции в свете современных концепций психологии детства, поведенческих наук и теорий власти. В-третьих, нерешённостью вопроса о том, выполняет ли образ ребёнка-жертвы в рассматриваемых текстах исключительно социально-критическую функцию или же несёт более глубокую онтологическую и аксиологическую нагрузку.

Объектом исследования выступают романное пространство «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского (1879–1880), рассказ «Ванька» А.П. Чехова (1886) и повесть «Детство» Л.Н. Толстого (1852). Выбор данных текстов обусловлен их репрезентативностью в рамках русской реалистической традиции и принципиально различной художественной стратегией изображения детского страдания: метафизической у Достоевского, социально-документальной у Чехова и психологически-ретроспективной у Толстого.

Целью статьи является сравнительный анализ механизмов манипуляции и эксплуатации, которым подвергаются детские персонажи в трёх указанных произведениях, и выявление общих художественных закономерностей, характерных для русского реализма XIX века в целом.

Методология. Методологическую основу исследования составляет совокупность взаимодополняющих подходов. Герменевтический метод применяется для интерпретации художественных текстов с опорой на их историко-культурный контекст и авторскую интенцию. Сравнительно-типологический анализ позволяет выявить инвариантные структуры и типологически общие черты в изображении детского страдания у разных авторов. Психоаналитически ориентированная нарратология, разработанная в трудах Дж. Принса и С. Чэтмена [3;4], даёт

инструментарий для выявления имплицитных механизмов манипуляции в нарративной структуре произведений. Дискурс-анализ в версии М. Фуко [5] используется для описания властных отношений, конституирующих позицию ребёнка в системе социальных практик, изображённых в текстах.

Материалом для анализа послужили оригинальные тексты на русском языке в академических изданиях: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах (Т. 14–15), Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах (Т. 5), Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах (Т. 1). Цитаты приводятся по данным изданиям с указанием тома и страницы.

Анализ каждого произведения строится по единой схеме: (1) выявление субъекта и объекта манипулятивного или эксплуататорского воздействия; (2) описание конкретных техник манипуляции или форм эксплуатации; (3) анализ реакции ребёнка и характера его психологической травмы; (4) определение функции данного образа в идейно-художественной системе произведения в целом.

Результаты и анализы исследования. Феномен манипуляции в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского. В романе «Братья Карамазовы» тема детского страдания занимает центральное место в знаменитом «бунте» Ивана Карамазова (книга пятая «Pro и Contra», глава «Бунт»). Однако менее изученным остаётся то обстоятельство, что Достоевский обращается к данной теме не только в философских монологах персонажей, но и в конкретных сюжетных эпизодах, содержащих художественно детализированные модели манипуляции и эксплуатации.

Наиболее показателен образ Илюши Снегирёва - мальчика, которого одноклассники подвергают систематической психологической травле. Ключевая сцена с хлебом и булавкой (книга четвёртая, глава «Надрыв в избе») раскрывает изощрённый механизм манипуляции: Смердяков научил Илюшу «заворачивать кусочек хлеба, в который вставить булавку», и бросать его бродячей собаке [6, т.14, с. 484]. Манипуляция здесь трёхуровневая: взрослый персонаж манипулирует ребёнком, используя детскую доверчивость и жажду принадлежности; Илюша, в свою очередь, выступает орудием жестокости в отношении животного; наконец, его одноклассники манипулируют болезненными воспоминаниями Илюши о произошедшем, поддразнивая его.

«Он стал ходить больной: у него то голова, то горло заболит... «Я убил, я убил собаку», - заговорил вдруг он и не плачет, нет, а на нас посмотрел - страшные глаза сделал». Особенно важен в контексте исследуемой проблемы монолог Ивана Карамазова, в котором он приводит реальные случаи истязания детей как неопровержимые аргументы против теодицеи. Методологически показательным, что Достоевский помещает в уста Ивана подлинные судебные документы и газетные хроники своей эпохи, трансформируя их в художественные образы [7, с.112]. Иван

описывает, как родители - люди «образованные и хорошо воспитанные» - запирали пятилетнюю девочку на ночь в отхожем месте, мазали ей лицо калом и заставляли есть этот кал: «И эта мать могла спать, слыша ночью стоны несчастного ребёнка!» [6, т.14,с.220].

Механизм манипуляции в данных случаях характеризуется полной властной асимметрией: взрослые используют биологическую беспомощность ребёнка, его физическую и экономическую зависимость, отсутствие социальных институтов защиты. Ребёнок лишён не только свободы воли, но и базовой возможности вербализации собственного страдания — его «слёзки» остаются «неискупленными», как формулирует Иван [6,т.14,с.223]. Достоевский строит этот аргумент как неразрешимую этическую антиномию: ни религиозная гармония будущего, ни социальный прогресс не могут быть оправданы ценой слезы хотя бы одного истязуемого ребёнка.

Важно отметить, что манипуляция в романе функционирует не только как социальный феномен, но и как метафизическая категория. Дьяволическое начало, воплощённое в образе Смердякова, реализует себя именно через посредничество ребёнка - как в сцене с булавкой, так и в более широком смысле: именно психологически надломленный, манипулируемый Смердяков становится орудием убийства. Таким образом, цепь манипуляций, начатая в детстве, предопределяет трагедию взрослых.

Эксплуатация детского труда и эмоциональная манипуляция в рассказе А.П. Чехова «Ванька». Рассказ Чехова «Ванька» (1886) представляет собой образцовый текст для анализа феномена эксплуатации детского труда в сочетании с манипуляцией эмоциональной привязанностью. Девятилетний Ванька Жуков, отданный «три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину», сидит ночью в канун Рождества и пишет письмо деду Константину Макаровичу. Структура письма - документ детского сознания, захваченного двумя конкурирующими аффектами: ужасом настоящего и идеализацией утраченного прошлого.

«Милый дедушка, Константин Макарыч! И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с Рождеством и желаю тебе всего от господа бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался»

Анализ текста выявляет многоуровневую структуру эксплуатации. На экономическом уровне: ребёнок выполняет тяжёлый физический труд без какого-либо вознаграждения, будучи юридически бесправным «учеником». На бытовом уровне: Ванька используется как домашняя прислуга, которую «велят чистить рыбу» и которая спит «в сенях» [8,т.5,с.468]. На телесном уровне: хозяин бьёт его «голяком» за нерадивость, хозяйка «тыкала» ему в физиономию снятком, подмастерья издеваются. Чехов скрупулёзно перечисляет формы физического

насилия, создавая эффект обыденности: насилие над ребёнком предстаёт как норма, вписанная в повседневный уклад.

Особый интерес представляет манипулятивная функция образа деда. Константин Макарович изображён в детских воспоминаниях Ваньки как добрый, почти сказочный персонаж. Однако при внимательном прочтении выясняется, что именно дед отдал внука «в ученье» - то есть добровольно передал ребёнка в систему эксплуатации. Детское сознание вытесняет этот факт, конструируя образ деда-защитника. Это вытеснение само по себе является результатом эмоциональной манипуляции: Ванька привязан к деду именно потому, что другой привязанности у него нет, и эта привязанность не позволяет ему осознать предательство.

Принципиально важен финальный художественный приём: Ванька надписывает конверт «На деревню дедушке, Константину Макарычу» - без указания деревни и волости [8, т.5, с.472]. Письмо не дойдёт. Чехов разрушает последнюю надежду ребёнка на спасение - и делает это с предельной лаконичностью, без авторского комментария. Данный приём создаёт эффект, который можно определить как «структурная эксплуатация нарратора»: повествование само по себе воспроизводит логику обречённости, которой подчинена жизнь Ваньки.

С точки зрения психологии манипуляции показательна и техника «газлайтинга», имплицитно присутствующая в тексте: хозяин бьёт Ваньку «за то, что качал ребёнка», хотя именно Ванька и был назначен нянькой. Наказание выдаётся за закономерное следствие вины самого ребёнка - то есть реальность переопределяется в интересах манипулятора. Детское сознание не имеет инструментов сопротивления этой переопределённой реальности.

Манипуляция эмоциональной идентичностью в повести Л.Н. Толстого «Детство». Повесть Толстого «Детство» (1852) стоит несколько особняком в ряду рассматриваемых текстов: здесь нет грубой физической эксплуатации или откровенного насилия. Тем не менее именно «Детство» является, возможно, наиболее тонким художественным исследованием механизмов психологической манипуляции в детском опыте, поскольку манипулирующие воздействия здесь осуществляются через любовь, через семейные ритуалы и социальные ожидания - то есть через институты, которые в норме должны защищать ребёнка.

Десятилетний Николенька Иртеньев существует в мире жёстких социальных иерархий, которые предписывают ему определённые эмоциональные реакции вне зависимости от его подлинных переживаний. Показательна сцена прощания с матерью (глава XI «Заниматься»): Николенька плачет не потому, что ему грустно, а потому что «не плакать было стыдно» [9, т.1, с.54]. Здесь обнаруживается фундаментальный манипулятивный механизм: ребёнок принуждается к перформативным эмоциям, заменяющим подлинные переживания. Это - форма

эмоциональной эксплуатации, когда аффекты ребёнка используются как социальный ресурс взрослого сообщества.

«Карл Иванович, верно с горя, хотел рассеяться и дать нам урок... чувствовал только одно: как несправедливо поступают взрослые, когда хотят уверить, что им жалко нас»

Образ гувернёра Карла Ивановича особенно значим в контексте анализа манипуляции. С одной стороны, он искренне привязан к Николеньке; с другой - именно эта привязанность становится инструментом педагогического давления. Карл Иванович управляет поведением ребёнка через демонстрацию собственной обиды и страдания, создавая у Николеньки хроническое чувство вины. Это классическая манипулятивная стратегия «эмоционального шантажа», описанная в современной психологии [10,с.34]: манипулятор предьявляет свои страдания как следствие поведения жертвы, заставляя её чувствовать ответственность за чужой аффективный мир.

Толстой фиксирует и более тонкий механизм - манипуляцию через идеализацию матери. Образ матери в повести конструируется не как реальный человек, а как сакральный символ, перед которым ребёнок испытывает не столько любовь, сколько религиозный трепет, смешанный с виной. «Любовь к матери и любовь к богу как-то странно сливались во мне в одно чувство», - признаётся нарратор [9,т.1,с.55]. Это слияние делает материнскую фигуру инструментом постоянного эмоционального контроля: ребёнок не может проявить неудовольствие, раздражение или несогласие, поскольку это переживается им как богохульство.

Значимо и отношение к крепостным в пространстве повести. Дети дворянской семьи воспитываются в системе, где одни дети (крепостные) являются инструментами для игр и обслуживания других детей (господских). Сцены с Натальей Савишной, преданной крепостной нянькой, обнаруживают, как эксплуатация кодируется в дискурсе любви и верности: крепостная любит семью, которая её эксплуатирует, и именно эта любовь воспроизводит систему господства. Николенька бессознательно усваивает эту модель - и становится будущим производителем той же системы.

Обсуждение. Сравнительный анализ трёх текстов позволяет выявить ряд типологических закономерностей, характерных для русского реализма XIX века в целом. Во-первых, все три автора используют образ ребёнка-жертвы как художественный аргумент в этической дискуссии с социальными институтами. У Достоевского это институты религии и государства, неспособные защитить ребёнка от метафизического зла. У Чехова - экономические институты крепостнической и пост-крепостнической России, воспроизводящие эксплуатацию в легальных формах. У Толстого - институты семьи и воспитания, которые транслируют манипулятивные паттерны под маской любви и заботы. Тем самым три автора выстраивают

комплексную критику всей системы социальной репродукции - от базисных экономических отношений до надстроечных форм идеологического контроля.

Во-вторых, все три текста демонстрируют характерную особенность, которую можно определить как «двойное молчание»: ребёнок лишён голоса в диалогическом мире произведения (его никто не слышит, его просьбы остаются без ответа), но именно через это молчание - или безответное письмо, или невысказанный внутренний монолог - авторский голос обретает наибольшую риторическую силу. Повествовательная стратегия всех трёх авторов строится на парадоксе: чем беспомощнее и молчаливее ребёнок в тексте, тем громче его страдание звучит для читателя.

В-третьих, механизмы манипуляции и эксплуатации в рассматриваемых текстах устроены по принципу нарастающей сложности. Эксплуатация Ваньки Жукова - грубая, экономически прозрачная; манипуляции в «Братьях Карамазовых» - многоуровневые, включающие психологическое, идеологическое и метафизическое измерения; тончайшая манипуляция в «Детстве» Толстого - почти неотличима от подлинных отношений любви, что делает её наиболее опасной и труднее всего поддающейся критике. Этот спектр позволяет говорить о том, что русский реализм охватывает все формы властного воздействия на ребёнка - от явного насилия до имплицитного психологического контроля.

Важно соотнести выводы исследования с имеющимися теоретическими концепциями. Р. Лэйнг в своей теории «мистификации» описывает механизм, при котором взрослые навязывают ребёнку ложную интерпретацию его собственного опыта [11,с.78] - именно этот механизм фиксирует Толстой. Дж. Боулби в теории привязанности показывает, что нарушение базовой привязанности формирует у ребёнка устойчивые паттерны тревоги и виктимизации [12,с.201] - именно это мы наблюдаем у Ваньки, чья привязанность к деду использована как ловушка. П. Сэндс, анализируя художественную литературу в контексте теории травмы, отмечает, что классическая литература нередко точнее академических трактатов описывает механизмы психологического насилия - именно потому, что нарративная форма позволяет воспроизвести субъективный опыт жертвы [13, с. 44].

Ограничением данного исследования является его сосредоточенность на трёх текстах, что не позволяет в полной мере охватить всё богатство русской реалистической прозы в рассматриваемом аспекте. За рамками анализа остались, в частности, произведения Н.А. Некрасова, Н.С. Лескова и М.Е. Салтыкова-Щедрина, также содержащие развёрнутые изображения детского страдания. Перспективой дальнейших исследований могло бы стать расширение корпуса анализируемых текстов и применение методов корпусной лингвистики для выявления устойчивых лексических маркеров манипуляции и эксплуатации.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, образ ребёнка как жертвы манипуляции и эксплуатации является сквозным мотивом русской реалистической прозы XIX века, функционирующим как художественный инструмент социальной и нравственной критики. Во-вторых, каждый из рассмотренных авторов создаёт специфическую художественную модель детского страдания: Достоевский - метафизически-философскую, ставящую вопрос о теодицее; Чехов - социально-документальную, обнажающую экономические механизмы эксплуатации; Толстой - психологически-аналитическую, исследующую тончайшие формы манипулятивного контроля внутри семьи и воспитательных институтов. В-третьих, несмотря на различие художественных стратегий, все три автора сходятся в принципиальном: ребёнок в их текстах лишён субъектности не случайно и не в силу природной незрелости, но вследствие целенаправленного, системного воздействия взрослых - индивидуальных и коллективных. Это лишение субъектности художественно осмыслено как преступление - моральное, социальное, а в случае Достоевского и метафизическое.

В-четвёртых, «двойное молчание» детского персонажа - неслышанность в диегетическом мире и красноречивость в читательском восприятии - образует особый нарративный механизм, который можно определить как «риторику беспомощности»: чем бессильнее ребёнок в тексте, тем сильнее читательский отклик на его страдание.

Использованная литература:

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. - 3-е изд. -М.: Речь, 2004.304с.
2. Гидденс Э. Социология / пер. с англ. В. Малышенко и др. - М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
3. Prince G. A Dictionary of Narratology. Lincoln: University of Nebraska Press, 1987. 118 p.
4. Chatman S. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. Ithaca: Cornell University Press, 1978. 277 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер.с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999.480с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30т. Л.: Наука, 1972-1990.Т. 14-15:Братья Карамазовы.
7. Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания.- М.: Индрик, 2012. 336 с.
8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. - М.: Наука, 1974 -1983. - Т. 5с.
9. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т.- М.: Гослитиздат, 1928 - 1958. Т. 1с.
10. Forward S. Emotional Blackmail: When the People in Your Life Use Fear, Obligation, and Guilt to Manipulate You. New York: HarperCollins, 1997. 272 с.
11. Laing R.D. Self and Others. London: Tavistock Publications, 1961. 192 с.
12. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1: Attachment. New York: Basic Books, 1969. 428 с.
13. Sands P. Child Victims in Narrative: Trauma, Memory and Literary Representation // Comparative Literature Studies. 2018. Vol. 55, No. 1. 40–62с.
14. Линков В.Я. Мир и человек в творчестве Л. Толстого и И. Бунина. М.: Изд-во МГУ, 1989. 173 с.
15. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с.
16. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М. 1979. 320 с.
17. Нечаева В.С. Ранний Достоевский, 182-1849. М.: Наука, 1979. 288 с.

18. Miller A. The Drama of the Gifted Child: The Search for the True Self. New York: Basic Books, 1981. 136 с.
19. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: исследования и статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.960 с.
20. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 327 с.

